

дов и довольно много переводил в первые годы своего творчества (1738—1742), в поздние годы им был создан прославленный перевод оды Ж.-Б. Руссо «На счастье» (1760). Хотя сам он в конце 1740—начале 1750-х гг. и не переводил, его замечательный ученик Н. Н. Поповский прославился именно переводами, к которым приступил в 1752 г., как раз в то время, когда Ломоносов руководил его поэтическим творчеством, и в то время, когда Тредиаковский писал свою статью «К читателю». Если бы Ломоносов полагал, что перевод, а тем более стихотворный перевод, невозможен, едва бы из-под пера Поповского вышли его стихотворные переводы од и «Письма к Пизонам» Горация, которые Ломоносов, высоко оценив, рекомендовал к изданию. Кроме того, считать Ломоносова противником переводов стихами мешает указание Тредиаковского, что «похуления» его переводу Буало будут «разглашать» «различных пристрастий языки», о которых далее говорится во множественном числе. Итак, перед нами по крайней мере двое оппонентов. И судя по тому, как характеризуется их поведение, один из них — Сумароков. Ведь именно он «повсюду и при всех, где и при ком» ни был, говорил о поэзии, прилюдно издевался над Тредиаковским, делая ему «несправедливые нарекания» и выказывая этим «надменные и самомнительные пристрастия». Именно он «гремел повсюду» об оплошностях Тредиаковского и именно он, эмоциональный, нервный, раздражительный, был склонен вообще к «воплю». Ломоносов действовал иначе. Коллега Тредиаковского, он уже в начале 1750-х гг. имел в Академии наук достаточный вес, чтобы не прибегать к публичному шельмованию противника, а ограничиваться академической процедурой запретов на его деятельность. Описанное Тредиаковским поведение критиков, единых в своем «вопле» и разглашении «похулений» на его перевод, позволяет представить и позицию их единой, что, думается, неверно. Единоы они только в своем возмущении работой поэта-переводчика, а причины возмущения у них разные. Ведь эти неназванные «языки» имеют «различные пристрастия», что, конечно, может быть понято так, что каждый из них обладает разными пристрастиями, но также, что каждый из них имеет свое особое пристрастие. Второе понимание кажется более верным как потому, что слово *различный* уже указывает, что пристрастия оппонентов *различаются* между собой, так и потому, что слово *пристрастие* здесь употреблено в смысле, близком к *убеждению*; а говорить о *различных убеждениях* противника в споре, значит, упрекать его в беспринципности, чего Тредиаковский, при всей резкости и неумолимости полемики, никогда не делал. Противники обладают *различными* убеждениями (пристрастиями), то есть у каждого из них есть свое особое убеждение, на основании которого они оценивают перевод Тредиаковским «Науки» Буало. Выше уже говорилось, что Сумароков не мог в 1752 г. разделять взгляды Ломоносова на исключительное благородство ямба. Ямб был «пристрастием» Ломо-